

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова

Пятое время года
Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Слава Анны Ахматовой в десятые годы после сборников «Вечер» и «Четки» была почти религиозной. Девушки стригли челки «под Ахматову» и писали подражательные вирши. Студенты всей России самозабвенно повторяли: «Задыхаясь, я крикнула: «Шутка/ Все, что было. Уйдешь, я умру»/ Улыбнулся спокойно и жутко/ И сказал мне: «Не стой на ветру»... Так пронзительно просто о любви до нее никто еще не писал.

При жизни Анна Ахматова пережила две славы. Раннюю, мгновенно поставившую ее в один ряд с Блоком, Брюсовым, Белым, и позднюю, незадолго до смерти, уже в телевизионную эпоху, уже после освободительного XX съезда, как бы в подтверждение строк: «Я была тогда с моим народом,/ Там где мой народ, к несчастью, был», ее поэзия вышла из-под запрета, а слава стала легальной.

Многие десятилетия ее стихи были в забвении. Иные считали, что она умерла молодой вместе с Блоком и Гумилевым.

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король...
только и повторяли сентиментальные читатели, втайне тоскующие по «бывшим» временам, а лагерники переписывали ее стихи о любви в бараках.

Александр Вертинский, вернувшись из эмиграции, запел «Темнеет дорога приморского сада» от мужского имени. В 1946 году об Ахматовой напомнил читателям Жданов, назвав ее «взбесившейся барынькой, мечущейся между молельней и будуаром», своим постановлением он отнял у Анны Андреевны последнюю возможность зарабатывать литературным трудом.

Нищета, безытность, бездомность. Так жила русская Сафо, богиня поэзии, о первых сборниках которой критика писала, – любовь, говорящая от лица женщины – открытие в нашей поэзии, сделанное Ахматовой. Ее лирическая душа – царственна, униженной быть не может. Она господствует, она ни в коем случае не угнетена.

Начиналось все на берегу Стрелецкой бухты под Севастополем недалеко от Херсонеса.

Там Анна Горенко писала «великое множество стихов». Днем она бегала на берег, где к ней «приплывала зеленая рыба, прилетала белая чайка», где девочка сушила соленую косу «на плоском камне» и беседовала с монахом у ворот Херсонеса.

Там она ощутила невозможность жить по предлагаемым бытовой жизнью правилам. Она открыла для себя, что у поэзии есть счастливая возможность возвышать человеческую природу. Отец запретил ей печататься под своей гордой фамилией – Горенко. «И не надо мне твоего имени!» – ответила она отцу.

«Я была овца без пастуха. Только шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы...»

В начале 10-х годов Ахматова вышла замуж за Гумилева и выпустила первую книгу «Вечер».

Гумилев пламенно влюбился в Аню Горенко, когда они были в возрасте Ромео и Джульетты. Ей – 14, ему – 17. Юная поэтесса была холодна и долго не отвечала взаимностью. Так или иначе, но 25 апреля 1910 года они обвенчались в Киеве. «Их отношения были скорее тайным единоборством», – писала Валерия Срезневская.

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы
Эти встречи всегда оставляли

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Впечатление борьбы...

«Путь конквистадора», «Романтические цветы», «Жемчуга» – опубликовал Гумилев ко времени женитьбы. Он уже был мэтром. У Ахматовой и Гумилева родился сын Лев (будущий великий ученый).

Семья все-таки не состоялась.

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной до бела,
Оба мы еще не понимали
Как земля для двух людей мала.
Тесно на земле любви, тесно любящей душе. Это всегда умирание и воскресение.

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
В одиннадцатом году Анна Андреевна подружилась в Париж с нищим, никому
неизвестным Модильяни.

«...все божественное в Амадео искрилось сквозь какой-то мрак», – написала Ахматова
через полвека.

Молодой Модильяни рисовал молодую Ахматову...

Принято перечислять мужчин, что любили Ахматову. Исследователи спорят –
композитору Лурье или ассирологу Шилейко посвящены строки –

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить...
Ахматова отнимает у литературоведов возможность копаться в биографии своей
любви лирики. Многие пытались разгадать тайну стихов, так просто написанных,
без красотостей, изысканных эпитетов, кричащих новаторских находок. Сочетание
несочетаемого. Сгорание, тектонические катастрофы и в то же время царственная
библейская мудрость... Лирическая героиня и Автор – это далеко не всегда одно и
тоже. Вас. Гиппиус пишет, что Ахматова в своем мастерстве достигла такого
уровня, что может в одно стихотворение вместить целый роман.

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся.
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся.
И загадочных древних ликов
На меня посмотрели очи.
Десять лет замираний и криков.
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его напрасно.
Отошел ты. И стало снова
На душе и просто и ясно.
Ахматовские стихи с первого «оконного луча» настолько совершенны, что кажется ее
творчеству вовсе не свойственно то, что Блок называл «подземным ростом души».
Ахматова часто говорит о смуглой Музе, которая ей диктует, что надо только
успеть записать «без помарок». Быть может, обожаемый Пушкин диктовал
царкосельской гимназистке, искавшей с ним встречи. Правда, то, что пришлось
пережить Ахматовой потом в «календарном XX веке» и не снилось людям XIX века...

Расстрелян Гумилев, умер Блок. После сборника «Аппо Domini» 18 лет ни прежние,
ни новые стихи не печатались. В 1938 уничтожили ее мужа Николая Пунина. Сын, Лев
Гумилев, несколько раз сидел в коммунистических лагерях.

Муж – в могиле
Сын – в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Но никогда у нее и мысли не было покинуть родину. В начале войны Ахматова с
противогазом через плечо несла дежурство как рядовой боец противовоздушной
обороны, шила мешки для песка, которыми обкладывали убежища в саду у фонтанного
дома, где она жила в крохотной комнатухе...

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Одна из тайн ее любовной лирики – это звучание эпохи

Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Анна Андреевна упоминает, что только Н. Недоброво правильно понял ее творчество.

Рано умерший критик и поэт Недоброво писал, что «отличительной чертой личности поэтессы являются не слабость и надломленность, как это обычно считалось, а наоборот, исключительная сила воли». Он увидел «лирическую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жесткую, чем слезливую, и уже явно господствующую, а не угнетенную»

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая.
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок –
Мой заветный душистый платок.
Надолго пережила свою прародительницу литературная героиня Анны Ахматовой.
Многим еще она откроет смысл самого загадочного и главного чувства на земле.

Екатерина Марков

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, –
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

2

И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарилась тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

1909

* * *

И когда друг друга проклинали

В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных – огненный недуг! –
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза,
1909

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.
1911

* * *

Сжала руки под темной вуалью..
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь.
Искривился мучительно рот..
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».
1911

* * *

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.
В узких каналах уже не струится –
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, –
О, никогда!
Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.
1911

* * *

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»
В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой,
1911

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь – уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.
Я не плачу, я не жалеюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую, –
Смерть придет поцеловать.
Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?
1911

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.
Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...
Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.
Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.
1911

* * *

Хочешь знать, как все это было? –
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это все... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!» –
«Да».

1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ
Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно – желтым огнем.

1911

* * *

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.

Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен.
Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете.
Я пойду дорогой недалней
Посмотреть, как играют дети.
На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.
Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

1911

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.
О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

1911

* * *

Мне с тобою пьяным весело –
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?
Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911

ОБМАН

М. А. Горенко

I
Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.
Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

II

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;
Сухо пахнут иммортели
В разметающейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?
1910

III

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю. Кто там? – не жених ли,
Не жених ли это мой?..
На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.
Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны,
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.
Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

IV

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.
Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.
Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.
Милым простила губам
Я их жестокою шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.
Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

1911

* * *

Любовь покоряет обманно
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.
И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.
Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.

1911

* * *

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.
Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.

Уходи к волне про боль шептать.

О, она, наверное, ответит,
А быть может, будет целовать.

1912

* * *

Муж хлестал меня узорчатым,

Вдвое сложенным ремнем.

Для тебя в окошке створчатом

Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей

Подымается дымок.

Ах, со мной, печальной узницей,

Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,

Долю-муку приняла.

Или любишь белокурую,

Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!

В сердце темный, душный хмель,

А лучи ложатся тонкие

На несмятую постель.

1911

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе

Про любовь пою,

На коленях в огороде

Лебеду пою.

Вырываю и бросаю –

Пусть простит меня.

Вижу, девочка босая

Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей

Голоса беды.

Все сильнее запах теплый

Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба

Мне наградой злой.

Надо мною только небо,

А со мною голос твой.

1911

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не заперла я,

Не зажигала свеч,

Не знаешь, как, усталая,

Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы

В закатном мраке хвой,

Пьянея звуком голоса,

Похожего на твой.

И знать, что все потеряно,

Что жизнь – проклятый ад!

О, я была уверена,

Что ты придешь назад.

1911

САД

Он весь сверкает и хрустит,

Обледенелый сад.

Ушедший от меня грустит,

Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик –

Лишь круглое окно;

Я тайно знаю, чей двойник

Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят

Предчувствием беды,

Сквозь тонкий лед еще сквозят

Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911

* * *

Три раза пытаться приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непростительная ложь!

1911

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.
Муза! ты видишь, как счастливы все –
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.
Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.
Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.
Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

1911

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.
Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.
Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.
И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.
СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ
Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru

Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

1910

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.
И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.
Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.
Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочат крабы,
Выползая на песок.
Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.

1911

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

1910

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ
И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Восток голубел.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я не сразу поверил тебе.
Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?
И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Все как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года.
О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня..
Никогда не пойму, ты близка мне,
Или только любила меня.

1911

* * *

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»
Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,

Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.
Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!
Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

1911

* * *

Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом доме твоём.
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему нарядная,
Ожерельями звеня;
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»

191

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился – он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся –
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его – напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.
Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.
Бензина запах и сирени,

Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.
1913

* * *

я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте...
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты –
ведь так любезны женихи!
А этим дурочкам нужней
Сознание полное победы,
чем дружбы светлые беседы
и память первых нежных дней...
Когда же счастья гроши
ты проживешь с подругой милой
и для пресыщенной души
все станет сразу так постыло –
в мою торжественную ночь
не приходи. Тебя не знаю.
и чем могла б тебе помочь?
от счастья я не исцеляю.

14

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
на блюде устрицы во льду.
Он мне сказал: «Я верный друг!»
и моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
прикосновенья этих рук.
Так глядят кошек или птиц,
так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
под легким золотом ресниц.
А скорбных скрипок голоса
поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса –
ты первый раз одна с любимым».

1913

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
как невесело вместе нам!
на стенах цветы и птицы
томятся по облакам.
ты куришь черную трубку,
так странен дымок над ней.
я надела узкую юбку,
чтоб казаться еще стройней.
навсегда забиты окошки:
что там, изморозь или гроза?
на глаза осторожной кошки
похожи твои глаза.
о, как сердце мое тоскует!
не смертного ль часа жду?
а та, что сейчас танцует,
неприменно будет в аду.

1 января 1913

* * *

Косноязычно славивший меня
еще топтался на краю эстрады.
от дыма сизого и тусклого огня
мы все уйти, конечно, были рады.
но в путаных словах вопрос зажат,

Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.
Люби меня, припоминай и плачь.
Все плачущие не равны ль пред богом.
Прощай, прощай! меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.
1913

* * *

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.
Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.
Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.
1914

* * *

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.
Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой...»
В камине гаснет пламя;
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок
И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?
И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.
1913

* * *

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?
Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.
И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.
1912

* * *

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –
Затем что воздух был совсем не наш,

А как подарок божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.
1914

* * *

Покорно мне воображенье
В изображенье серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.
Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы,
Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.
И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?
Слепнево

1913

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.
Ты давно перестала считать уколы –
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой –
Легче в гроб тебе лечь живой!..»
Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

1912

* * *

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.
Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.
Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

1913

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу –
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.

Преодо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.
1913

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Несытые взгляды твои!
1913

* * *

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово –
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.
1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.
И я стану – Христос помоги! –
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,
Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,
И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.
1913

* * *

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь –
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз, –
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.
1913

* * *

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.
Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал –
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

* * *

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль.
Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль.
А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали у́же
Зрачки ослепительных глаз.
Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

1913. Осень

* * *

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть –
За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.
Я думала: ты нарочно –
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.
Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,
Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?
И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.
Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

1913. Ноябрь

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней.
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

* * *

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу – мою тоску
В пустынную ночь опять.
Милый! не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица – моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.
Чтоб тот, кто спокоен в своем доме,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму», –
И опустил глаза.

1914
* * *

Вижу выцветший флаг над таможей
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.
Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадёжно дряхлеют сердца.

1913

8 НОЯБРЯ 1913 ГОДА
Солнце комнату наполнило
Пылью жаркой и сквозной
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

1913
* * *

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки...
Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискusstный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.
Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.
1913. Май Петербург

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.
Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я –
В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.
Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

* * *

Н. Г.

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашу встречу, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

1912

Царское Село

* * *

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.
Приду и стану па порог,
Скажу «Отдай мне мой платок!»

Осень 1913

* * *

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я – у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.
А у нас – тишь да гладь,
Божья благодать.
А у нас – светлых глаз
Нет приказу подымать.

1913

* * *

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.
И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.
Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913

* * *

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.
Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волну
Твой пронизанный солнцем покой.
Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои –
Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченье

Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпенье
Конь великого Петра.
Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.
Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.
Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.
Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, –
Над Невойю темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

* * *

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.
И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.
А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

1912

ГОСТЬ

Все как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.
Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».
Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».
И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада –
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,

Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

* * *

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как божие солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.
Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.
Ему обещала, что плакать не буду.
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.

1914

* * *

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.
Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, господи, пела,
Для того ль причастилась любви!
Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

1914

* * *

В. С. Срезневской

Вместо мудрости – опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была – как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?
Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквях положено
За того, кто меня любил...
Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз не улыбочивых
Мне не вернуть никогда.

1913

* * *

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять –
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

1916

* * *

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,

Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

1915

* * *

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.
Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных.
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.

1913

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, –
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие – поражены тоскою..
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

1915

9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА
Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду –
Так твои губы нежны.
Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.
Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки..
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

1915

* * *

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья апостолов я,
Слова псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

1915

* * *

Н. В. Н.

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн, –
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука..
Верно, мало для счастья надо

Тем, кто нежен и любит светло,
что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

1914

РАЗЛУКА

Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил: «Не позабудь».
А нынче только ветры
Да крики пастухов,
Взволнованные кедры
У чистых родников.

1914

* * *

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

1914

* * *

Господь немилостив к жнецам и садоводам.
Звеня, косые падают дожди
И, прежде небо отражавшим, водам
Пестрят широкие плащи.
В подводном царстве и луга и нивы,
А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют.
И сквозь густую водяную сетку
Я вижу милое твое лицо,
Притихший парк, китайскую беседку
И дома круглое крыльцо.

1915

* * *

Не в лесу мы, довольно аукать, –
Я насмешек таких не люблю..
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?
У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И глядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.
Трудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход.

1914

* * *

Как невеста получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему.
«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».
И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещая

Исполнение снов.

Хювинккя

1915

* * *

Божий ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.
Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградю чугунной.
Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

1914

ПОБЕГ

О. А Кузьминой-Караваевой

«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» – «Молчи...»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.
Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно
«Что ты делаешь, ты, безумный!» –
«Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер – широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»
Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок...
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.
«Скажи, ты знаешь наверно:
я не сплю? Так бывает во сне...»
Только весла плескались мерно
По тяжелой невиской воде.
А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.
Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.

1914

* * *

Когда в мрачнейшей из столиц
Рукою твердой, но усталой,
На чистой белизне страниц
Я отречение писала.
И ветер в круглое окно
Вливался влажною струею, –
Казалось, небо сожжено
Червонно-дымной зарею.
Я не взглянула на Неву,
На озаренные граниты,
И мне казалось – наяву
Тебя увижу, незабываемый...
Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний.
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени.
Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены, –

Чтоб степь полынная цвела,
А ветры пели, как сирены.
И вот он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить, – даже день последний.
Песочная бухта

1916

* * *

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?
Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам..
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.
И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

1915

* * *

Мы не умеем прощаться, –
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинается смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.
В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем..
Отчего все у нас не так?
Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.

1917

* * *

Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых ракии,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.
Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?
Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?
Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?
Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

1915

* * *

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.
Он сказал: «Теперь слава богу, –
И еще задумчивей стал. –
Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.
Так меня ты в бреду тревожишь,

Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».
Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.
А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.
Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».
И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба твоего».
Слепнево

1914

* * *

Стал мне реже сниться, слава богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.
И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни Лаврские вдали.
Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.
Мир родной, понятный и телесный,
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу царь небесный
Ледяным покоем нелюбви.

1912

Киев

* * *

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.
Где венчались – мы не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.
А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город,
Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?

1915

* * *

То пятое время года,
Только его словословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это – любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

* * *

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло
Как от блеска дивной ризы
Стало в горнице светло.

1915

* * *

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей.
«Где она, где свет веселый
Серых звезд – ее очей?
Ведь настали, тускло пламенея,
Дни последние весны.
Все мне чаще снится, все нежнее
Мне о ней бывают сны!»
И пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час,
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз.
Стал у церкви темной и высокой
На гранит блестящих ступеней
И молил о наступленье срока
Встречи с первой радостью своей.
А над смуглым золотом престола
Разгорался Божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый
Серых звезд – ее очей».

1915. Весна

СОН

Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.
Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.
Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».
А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногами чернела вода.
«Это озеро, – думал ты, –
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.
В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.

Царское Село

1915

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.
Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами.
Вот эта синяя тетрадь –
С моими детскими стихами.
Прости, что я жила скорбя

И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
1915

* * *

Я не знаю, ты жив или умер, –
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.
Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.
Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.
1915

* * *

Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.
Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.
А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить
Ту, что мельком полюбилась.
Славы хочешь? – у меня
Попроси тогда совета,
Только это – западня,
Где ни радости, ни света.
Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред Господом отвечу.
1915

* * *

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор
Беспомощно-туманный:
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?
О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!
При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».
1915

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.
И от лености или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.
Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

* * *

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.
Нынче другу возвратиться
Из-за моря – крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.
На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.
Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!

1916. Весна

Слепнево

* * *

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим».
За то, что всем я все простила,
Ты будешь ангелом моим.

1916

* * *

Да, я любила их, те сборища ночные, –
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

1917

* * *

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы –
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.

Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.

И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...

Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1915

МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.
И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь – продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.
Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,

чтоб не страшно было жениху
в голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать
Царское Село
1915

* * *

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно – веселье и оно – страданье.
Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
в мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
внимающего скорбному рассказу.
Я ведаю, что боги превращали
людей в предметы, не убив сознания.
чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье.
Слепнево

1916

* * *

Первый луч – благословенье Бога –
По лицу любимому скользнул,
и дремавший побледнел немного,
но еще покойнее уснул.
Верно, поцелуем показалась
теплота небесного луча..
Так давно губами я касалась
милых губ и смуглого плеча..
А теперь, усопших бестелесней,
в неутешном странствии моем,
я к нему влетаю только песней
и ласкаюсь утренним лучом.

1916

* * *

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
уже судимая не по земным законам,
я, как преступница, еще влекусь туда,
на место казни долгой и стыда.
и вижу дивный град, и слышу голос милый,
как будто нет еще таинственной могилы,
где, день и ночь, склонясь, в жары и холода,
должна я ожидать последнего суда.

1917

январь

* * *

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
а тебе на хриплой гармонике играть,
и уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
потерять бы ленту из тугой косы.
лучше б мне ребеночка твоего качать,
а тебе полтинник в сутки выручать,
и ходить на кладбище в поминальный день
да смотреть на белую Божию сирень.

1914

* * *

Мне не надо счастья малого,
мужа к милой провожу
и, довольного, усталого,
спать ребенка уложу.
снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить..
трудно, трудно жить затворницей,
да трудней веселой быть.
только б сон приснился пламенный,
как войду в нагорный храм,

Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.
Лето 1914

* * *

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело –
Крестителя нерукотворный храм.
Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй,
И вот сегодня снова жаркий вечер, –
Как низко солнце стало над горой..
Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг – торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.
Весна 1917

* * *

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.
Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?
Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницей песня
Умерла в груди моей.

1917

* * *

Ты – отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни и наши иконы
И над озером тихим сосну.
Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?
Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.
Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.
Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.
1917. Слепнево

* * *

Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.
Царское Село

1916

* * *

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,

И чем темней, тем трогательней ты.
Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, –
Покоя, видно, не нашел в вине.
И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.
Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.
1917. Лето

* * *

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?
Пусть он меня и хулит и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.
И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно,
И проклинять поцелуи мои.
1917

* * *

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.
Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!
Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.
1917. Декабрь

* * *

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.
Если надо – меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.
Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.
1918. Апрель

* * *

Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастье приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой

На площади оснеженной.

1914

* * *

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

1917

* * *

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.
Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно юного лица.
И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.
Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,
Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.
Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.

1917. Лето

* * *

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

1916

* * *

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.
Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.
Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, –

Не для страсти, не для забавы,
для великой земной любви.

1916

* * *

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу
Новых песен не насвистывай, –
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовой
Мне чахоточную грудь,
Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.

1918. Июль

* * *

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.
Январь 1917

* * *

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих –
С улыбкой предо мной стоял жених.
А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.
И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

1916

* * *

Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы.
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.

1914

ДАЛЬНИЙ ГОЛОС

I

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

II

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первую, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

1921

* * *

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным –
Станет больно самому.

1922

* * *

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.
Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?
Даже звонче голос нежный.
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.

1922

* * *

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.
Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.
Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

* * *

Шепчет: «Я не пожалею
Даме то, что так люблю, –
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,

А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

1922

* * *

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю,
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.
Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона,
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.
И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.

1921

* * *

Сослужу тебе верную службу, –
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.
За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я, как брачные ризы, ношу.

1921

* * *

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.
Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.
Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И как преступница томилась
Любовь, исполненная зла.
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами –
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

1921

* * *

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.
Я-то вольная. Все мне забава, –
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.
Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад..
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.
Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.

Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?
1921

* * *

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок –
Мой заветный душистый платок.
Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом –
Я к тебе никогда не вернусь.

1921

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.
Прощай, прощай, будь счастлив, друг
прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, –
Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благодостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

1921

* * *

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать
Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, Бог с тобой!
Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.
Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.

1921

* * *

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.
С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты,
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым

Моей не узнавший любви.

1921

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?
Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.
Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце – солнце отчизны моей!

1921

* * *

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.
Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной, –
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,
Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно..
Ни роз, ни архангельских сил.
Затем и в беспмятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

1921

* * *

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом,
Ни даже предчувствием тайным моим.
Зачем же в ночи перед темным порогом
Ты медлишь, как будто счастьем томим?
Не выйду, не крикну: «О, будь единым,
До смертного часа будь со мной!»
Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.

1915

* * *

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж – палач, а дом его – тюрьма.
Но видишь ли! Ведь я пришла сама;
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.
Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

1921

ДВУСТИШИЕ

От других мне хвала – что зола,
От тебя и хула – похвала.

1931

ЗАКЛИНАНИЕ

Из высоких ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,

Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать.

1936
* * *

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? –
Он в шестнадцатом году весной
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весной
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Москва
1936

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы – годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

1940–1944

3

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, –
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

1934
* * *

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свершится чудо?
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

1944

CINQUE[1]

Стихи о любви. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna.ru
Autant que toi sans doute, il te sera fidèle,

Et constant jusques a la mort.

vaude-laire[2]

1
Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,
А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.
Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.
Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.
Но, живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.
И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.
26 ноября 1945

2
Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.
20 декабря 1945

3
Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!
20 декабря 1945

4
Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?
6 января 1946

5
Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое кромешное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?
11 января 1946
Шиповник цветет
Из сожженной тетради
And thou art distant in humanity.

Keats

Вместо праздничного поздравленья

Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

1961

1. Сожженная тетрадь

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки,
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

2. Наяву

И время прочь, и пространства прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

1946

3. Во сне

Черную и прочную разлуку
Я несусь с тобой наравне.
Что ж ты плачешь?
Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою..
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

1946

4. Первая песенка

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.

5. Другая песенка

Несказанный речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестречи
Шиповник посажу.
Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,

Мы же, милый, только души
У предела света.

1956

6. Сон

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим..
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, –
А мне в ту ночь приснился твой приезд.
Он был о всем.. И в баховской чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.
И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!
Чем отплату за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956

7

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, –
Я шла, как в глубине морской..
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

8

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач ни исцелит, не утолит поэт, –
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль
был черен невольский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла..
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала – сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

9. В разбитом зеркале

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он медленной отравой

В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча, –
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.
1956
10
Ты опять со мной, подруга осень!

Ин. Анненский
Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.
Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.
Иду между черных приземистых елок,
Там вересе на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож.
Сюда принесла я блаженную память
Последней не встречи с тобой –
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.
11
Против воли я твой, царица, берег покинул.

«Энеида», песнь 6
Не пугайся, – я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты – иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.
Был недолго ты моим Энеем, –
Я тогда отделалась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты проклятый мой дом.
Ты забыл те, в ужасе и муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.
Ты не знаешь, что тебе простили..
Создан Рим, плывут стала флотилий,
И победу славословит лесть.
12

Ты стихи мои требуешь прямо..
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталост и грамма,
Не впитавшего горечи их.
Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.
И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имени.
Не приумать разлуку бездонней,
Лучше бы сразу тогда – наповал..
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.
1963. Москва

13
И это станет для людей

Как времена Веспасиана,

А было это – только рана

И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь. Рим
Мы до того отравлены друг другом,
Что можно и погибнуть невзначай,
Мы черным унижительным недугом
Наш называем несравненный рай.
В нем все уже прильнуло к преступленью –
К какому, Боже милостив, прости,
Что вопреки всевышнему терпенью
Скрестились два запретные пути.
Ее несем мы, как святой вериги,
Глядим в нее, как в адский водоем.
Всего страшнее, что две дивных книги
Возникнут и расскажут всем о всем.
1963

Трилистник московский
Почти в альбом
Улышишь гром и вспомнишь обом не,
Поудмаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда – в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.
Без названия
Срели морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание –
Немного удивленные глаза:
«Что? что? Уже? Не может быть!» –
«Конечно!..»
И святочного неба бирюза.
И все кругом блаженно и безгрешно...
Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.
Еще тост
За веру твою! И за верность мою!
За то, что с тобою мы в этом краю!
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...
За то, что все плыло, беззвучно скользя.
За то, что нам видеть друг друга нельзя.
1961–1963

Полночные стихи
Семь стихотворений
Только зеркало зеркалу снится,

Тишина тишину сторожит...

Решка
Вместо посвящения
По волнам блуждаюсь и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою – едва ли.
Лето 1963

1
Предвесенняя элегия
Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там словно Офелия, пела

Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.
10 марта 1963

Комарово

2

Первое предупреждение
Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пускай я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать –
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

6 июня 1963

Москва

3

В Зазеркалье
O quae beatam, Diva, tenes Cyprur

et Memphin...

Нор.

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

5 июля 1963

Комарово

4

Тринадцать строчек
И наконец ты словно произнес
Не так, как те... что на одно колено, –
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вдруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8–12 августа 1963

5

Зов

В которую-то из сонат
Тебя я прячу осторожно.
О! Как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне

Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта – исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.
1 июля 1963

6

Ночное посещение
Все ушли и никто не вернулся.

Не на листопадном асфальте
Будешь ты долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном тоне
Эти полчаса,
Прочитаешь на мой ладони
Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.
10–13 сентября 1963

Комарово

7

И последнее
Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.
Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.
И никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23–25 июля 1963

Вместо послесловия
А там, где сочиняют сны,
Обоим – разных не хватило,
Мы видели одни, но сила
Была в нем, как приход весны.

1965

Нечет

Приморский сонет
Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.
И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущей черешней
Сиянье легкий месяц льет.
И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И всех походе на аллею
У царскосельского пруда.

1958

Комарово

Музыка

Д.Д.Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной одна в могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

1958

Отрывок

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась – какого они,
Глаза эти странные, цвета.
И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала – ты враг или друг,
Зима это или лето.

1959

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

Не стражай меня
грозной судьбой...

Не стражай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальыми в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, –
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега..
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега

1959

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли..
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,

Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

2

Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее
стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана
дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов. –
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

1957

ПЕСЕНКИ

1. ДОРОЖНАЯ, ИЛИ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Кто чего боится,
То с тем и случится, –
Ничего бояться не надо.

Эта песня пета,
Пета, да не эта,
А другая, тоже
На нее похожа...

Боже!

1943

Ташкент

2. ЗАСТОЛЬНАЯ

Под узорной скатертью
Не видать стола.
Я стихам не матерью –
Мачехой была.

Эх, бумага белая,
Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
Как они горят.
Сплетней изувечены,
Биты кистенем,
Мечены, мечены
Каторжным клеймом.

1955

3. ЛЮБОВНАЯ

А ведь мы с тобой
Не любились,
Только всем тогда
Поделились.

Тебе – белый свет,
Пути вольные,
Тебе зорюшки
Колокольные.

А мне ватничек
И ушаночку.

Не жалею меня,
Каторжаночку.

1955

4. ЛИШНЯЯ

Тешил – ужас. Грела – вьюга,
Вел вдоль смерти – мрак.
Отняты мы друг у друга...

Разве можно так?
Если хочешь – расколдую,
Доброй быть позволь.
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

июль 1959

Комарово

5. ПРОЩАЛЬНАЯ

Не смеялась и не пела,

Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

6. ПОСЛЕДНЯЯ
Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней, –
Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это все поведано
Самой глуби роз.

Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

24 января 1964

Из цикла Ташкентские страницы
В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.
И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, –
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.
То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград, –
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.
И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.
Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...
И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1959

Мартовская элегия
Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбившая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило,
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца

И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет
(1960)

* * *

Рисунок на книге стихов
Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венчик.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.
(1958)

Эхо
В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? – окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу..
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.
(1960)

Три стихотворения

1
Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

2
И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок –
Трагические тенор эпохи.

3
Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит..
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит –
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.
1944–1960

Из «Черных песен»
Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

I
Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой,
Я стала песней ис удьбой,
Ночной бессонницей и вьюгой.
Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке

В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

II

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...
Я без него могла.

1960–1961

* * *

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.
На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.
А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

Из «Четверостиший»

* * *

Уходи опять в ночные чащи,
Там поет бродяга-соловей,
Слаще меда, земляники слаще,
Даже слаще ревности моей.

(1927)

* * *

Может быть, потом ненавидел
И жалел, что тогда не убил.
Ты один меня не обидел,
Не обидевши – погубил.

(1963)

* * *

Я играю в ту самую игру,
От которой я и умру.
Но лучшего ты мне придумать не мог,
Но зачем же такой переполох?

(1963)

* * *

Мы не встречаться больше научились,
Не подымаем друг на друга глаз,
Но даже сами бы не поручились
За то, что с нами будет через час.

(1964)

* * *

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник – только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень.

1964

* * *

Любовь всех раньше станет смертным прахом.
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенести.

* * *

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца.
Им чистой правды не видать лица
И слезного не ведать покаянья.
* * *

Не с тобой мне есть угощенье,
Не тебя мне просить прощенья,
Не тебе я в ноги валюсь,
Не тебя по ночам я боюсь...
(1958)
* * *

Не стражай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник – разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
что луна не блуждала над нами,
я сегодня тебя одарю
Небывальными в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, –
чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега..
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.
1959

Примечания

1 Cinque чинке – итал. – пять.

2 как ты ему верна, тебе он будет верен и не изменит до конца. Бодлер(франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://akhmatovaanna.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!